
КОЛОС
ИЗД-ВО

Н. А. РУБАКИН

ЧТО ТАКОЕ

БИБЛИОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ?

ЛЕНИНГРАД
«К О Л О С»
1924.

ПР

Проз 1960

Настоящее издание отпечатано в Типографии Первой Ленинградской Трудов. Артели Печатников (Моховая, 40) в количестве 3000 экз. Ленинградский Гублит № 9719.

3634
29

ЧТО ТАКОЕ БИБЛИОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ?

Цель этого моего доклада — подвергнуть научному пересмотру вопрос о влиянии устного, рукописного и печатного слова как на индивида, так и на коллектив, и познакомить с библиопсихологическим методом исследования этого влияния и коренного его улучшения. Вопрос о влиянии слова—вопрос не только не новый, но даже заскорузлый И все-таки он не разрешен до сего времени, как ни требует этого жизнь Для ее пересоздавания на новых началах, ныне более, чем когда либо, требуются сознательные работники, возможно больше таких работников, и для всех без исключения областей деятельности. И требуются они неотложно. Но как их создавать возможно быстрее? Ныне практикуемые способы, как известно, сводятся вот к чему «Говори, говори, говори: что-нибудь да и западет в душу слушателей» «Пиши, печатай, распространяй возможно больше печатных произведений,—они уж там найдут своего читателя». Нужно ли

доказывать, что такие способы распространения идей, знаний и настроений — способы крайне неэкономные? При них затраты и сил, и средств громадны, а сравнительно с этими затратами результаты несомненно ничтожны, несмотря на энергичную деятельность многочисленных и искренне преданных делу и горячо убежденных работников

Признаем же факт неоспоримого несоответствия усилий и результатов

От каких же причин это зависит? Чтобы ответить на такой вопрос, мы уже много лет тому назад принялись за исследование психологии читательства, как индивидуального, так и коллективного Именно психологии Ведь интерес к книге есть ничто иное, как факт психологический Тоже и книжное влияние Особенно важно то, что психологическая точка зрения прежде всего заставляет резко разграничить самую книгу и вообще слово от того влияния, какое они оказывают на других,—читателей и слушателей Обыкновенно это не разграничивается, хотя каждый работник книжного дела имеет в своем распоряжении, наверное, множество фактов, безусловно заставляющих отделять понятие книги от понятия ее действия

В резкой форме и, простите, несколько комической, такое разделение этих двух понятий можно иллюстрировать хотя бы следующими

двумя фактами Первый из них сообщен известным путешественником по Африке миссионером Добрицгофером, который затратил много времени и сил на то, чтобы объяснить дикарям понятие о «совести» Он долго и красноречиво говорил на их родном языке о сознании, неэтичности, некрасивости, зловредности тех поступков, которые не находятся в согласии с совестью Он говорил об угрызениях и о муках совести и т д и т д., доказывая, что даже бессовестный человек где-то внутри себя чувствует какую-то душевную неловкость, какую-то душевную боль Добрицгофер затем спросил одного дикаря: «Теперь ты понял, что значит совесть?» — «Понял», отвечал дикарь — Ну, что же она такое?» — «А это когда в животе нехорошо»

Так преломились слова христианского оратора в психике дикаря

Другой факт рассказал мне лично покойный Г В Плеханов в 1916 году. Он долго объяснял одному турецкому армянину-революционеру, как нехорошо убивать людей Это недостойно человека Все люди—люди, и т. д И затем тоже спросил своего собеседника «Вы меня поняли?»— «Понял», отвечал тот «Что же вы поняли?» Армянин отвечал: «Ты – человек, я—человек,— пойдем убивать курда»

Здесь перед нами опять-таки факт совершенной переделки и мыслей и чувств Мысли

и чувства говорящего, в процессе их восприятия, дают, в результате, у их слушателя как мысли, так и чувства самые противоположные

Но разве это исключительный случай? Каждый из нас отлично знает из своей практики, что такого рода случаи переживаются всеми нами ежедневно, если не ежечасно А разве не то же самое бывает при чтении книг, газет и т д? Смею утверждать, что во всех странах десятки миллионов читателей выносят из читаемых ими произведений нечто совсем несходное и даже прямо противоположное тому, что хотели бы им объяснить авторы этих произведений. Но особенно печально то, что самый факт такой переделки и мыслей, и чувств не замечается их переделывателями.

Отчего это зависит?

Вот в этом-то вопросе и выражается самая суть теории книги.

Никогда не прекращавшиеся (с 1875 г) работы в различных областях книжного дела, как автора, редактора, библиотекаря и т. д привели меня к постановке этого вопроса по существу и заставили пересмотреть самую теорию книги, и вообще печатного, рукописного и устного слова. Почему они действуют? И на кого и как при каких обстоятельствах? Обыкновенно на все эти вопросы дается такой ответ самая суть таких воздействий на человека заключается в их содержании и в форме их

изложения. Против этого нельзя возражать: и содержание, и форма играют известную роль в том явлении, которое называется их влиянием. Но что называть этим содержанием и формой? Припомните, чем казалось вам содержание книг, читанных в детстве, и содержание тех же книг, если вы перечитали их много лет спустя. Робинзон, читанный в детстве, совсем не тот Робинзон (того же самого перевода и издания), если вы перечитаете его ныне.

Тысячи книг, читанных до революции, покажутся вам теперь совсем иного содержания,—да, содержания,—если вы перечитаете их теперь. Содержание всякой книги представляется в виде некоторого запаса, совокупности идей, фактов, чувств и стремлений, там как будто заключающихся. Но, читая одну и ту же книгу в разное время, в разном возрасте и т. д., вы находите в ней идеи, чувства и стремления не одни и те же, да и факты, там сообщаемые, вы воображаете, и понимаете, и оцениваете теперь не так, как прежде. Все это вам всем хорошо известно. Прошу вас хорошенько над этим задуматься и констатировать: с изменением читателя, содержание печатного, рукописного и устного слова изменяется тоже. Изменился читатель—изменится и содержание книги для него. Дайте ту же самую книгу другому читателю, — и она покажется ему наверное не совсем такою, какою она казалось первому. Чем

больше разница между читателями, тем больше разница содержания И наоборот: чем больше сходство читателей, тем больше сходство понимания и оценки одной и той же книги. Перед нами факт, который называется на языке математики «функциональной зависимостью». Читатель и содержание книги находятся меж собой в функциональной зависимости Это можно изобразить такой формулой: Книга = f (читателя) или, короче, книга = f (Ч), причем читатель фигурирует здесь в качестве независимой переменной. Но и обратно: если действовать разными книгами на одного и того же читателя, то и этот последний должен рассматриваться, как функция, а книга, им читаемая, — как независимая переменная. Если человеку нечего читать, это значит, что читатель равен нулю, тогда и книга равняется нулю Если читатель не понимает содержания книги (напр., когда она на непонятном для него языке или вообще непонятна), значит, и содержание этой книги для данного читателя равняется нулю. Он — не читатель. Вывод отсюда таков: содержание существует лишь постольку, поскольку оно действует на читателя. Оно для него не существует, если не действует на него Значит, самая суть книги не только в книге, а в этой функциональной зависимости Но ведь эту зависимость ни от какой книги не отбросишь, — значит, на содержание книги нельзя смотреть, как на величину неизменную, вечно и

для всех одинаково существующую. Вечно и одинаково существуют только письмена, т. е. крючки и закорючки, бумага, вещь. Но ведь эти письмена вовсе не есть содержание, а лишь возбудители содержания в данном читателе, а это не одно и то же. В первом случае читатель не при чем (ведь не он их писал), а во втором он — все. А отсюда вывод: примат *содержания* в нашей теории книги должен уступить место примату *читателя*; примат вещи — примату той *психики*, которую так или иначе возбуждают данные письмена, т. е. книга. Но ведь ныне распространен взгляд как раз прямо противоположный. Люди ищут в книгах и в речах содержания, содержания и содержания, а при этом забывают самое главное: что его поставляют, приурочивают и к чужому писанию, и вообще к чужой речи *они сами*. А о таком своем приурочивании наверное из тысячи читателей 998 даже и не думают.

Каково содержание книги в действительности? Этого никто, решительно никто из читателей вполне точно и определенно знать не может. Оно мираж, который представляется каждому отдельному его наблюдателю иным, особым, в зависимости от этого наблюдателя,—от того, как действуют его глаза, мозг, психика, а также от того, где находится наблюдатель и под каким углом зрения он смотрит. От всех этих и от многих других условий и зависят психические

переживания наблюдателя, а в нашем случае— читателя или слушателя. Сколько разных читателей, столько и разных содержаний у одной и той же книги или речи. Иллюстрацией этому может служить разнообразие мнений различных критиков, комментаторов, глоссаторов об одном и том же произведении (книге, речи, событии, фактах вообще) Об одном Льве Толстом и его сочинениях существует не менее 100 000 критических статей на разных языках, о Канте — не меньше. А где же самое содержание, т е каково оно? Этого никто не знает и знать не может. «Оно—вещь в себе», как говорит Э. Кант, ноумен, предельное понятие, только и всего.

Но, быть может, о самой сути содержания надо спросить его автора? Но ведь каждое слово, каждая фраза, какие скажет автор любой книги о ней самой, есть ничто иное, как ваше п о н и м а н и е его слов и фраз.

Одно и то же слово звучит в разных ушах по разному, т е. имеет разные смыслы. Напр., слово «бог» понимается каждым верующим и каждым неверующим по своему. Проф. Исаев насчитал 30 разных толкований слова «капитал» в трудах разных ученых. Я насчитал 14 разных толкований слова «буржуа» и 18 толкований слово «пролетарий». Каждое слово имеет бесконечно много разных смыслов, потому что в разных слушателях и читателях оно возбуждает самые разнообразные психические явления. Эти

свои субъективные переживания и читатель или слушатель приписывает не себе самому, а слову, так на него подействовавшему. Поэтому ни у какого слова ни на каком языке не имеется *смысла совершенно одинакового для всех* каждое слово находится в функциональной зависимости не только от того, кто его говорит или пишет, но и от того, кто его слушает или читает. Всякому чужому слову мы приписываем свой собственный смысл.

То, что сейчас изложено, впервые формулировал знаменитый немецкий лингвист, ученый и общественный деятель Вильгельм Гумбольдт, а развил и объяснил еще глубже знаменитый украинский ученый А. Потебня. Вот как можно формулировать эту их мысль, крайне важную для понимания самой сути того влияния, какое оказывает на людей чужая речь, устная, рукописная и печатная: слово, фраза, книга суть возбудители, а не передатчики чужой мысли, чужого чувства, чужих стремлений: то, что нам кажется их передачей, есть ничто иное, как их возбуждение, а оно происходит лишь постольку, поскольку в нас-то самих имеется психический материал для этого. Нет материала — нет и возбуждения. Слова, обозначающие какой-либо цвет, не действуют на слепых от рождения, а слова, обозначающие звуки,—на прирожденных глухих. Эту формулу я позволял себе назвать законом Гумбольдта—Потебни. Этот закон переносит вопрос о книж-

ном влиянии, так сказать, с мертвой бумаги в *психику* и требует изучения именно этой последней, именно ее, а не звуков и не букв, которые суть не более, как возбудители и раздражители. Не трудно понять, что этот закон Гумбольдта—Потебни, если его продумать до конца, реформирует все наши взгляды на книгу, слово, литературу,—потому так долго и я позволил себе остановиться на нем. Он выдвигает на первый план психические явления, возбуждаемые словом, фразой, книгой, литературой, вместо самих слов, фраз, книги и т. д. Он как бы говорит: изучай не слова, а психические явления, ими возбуждаемые, и их отношения к той реальности, которую они то затемняют, то выявляют. Это не одно и то же слово есть единица, а психических явлений, возбуждаемых им, может быть бесконечно много и бесконечно разнообразных. А к ним безусловно приложимо изреченне Гераклита «Все течет».

Так на место мертвого звука или мертвых письменных знаков становятся психические явления, ими возбуждаемые. Психология книги и книжного влияния должна изучать эти явления текучести, изменчивости так называемого «содержания чужой речи и книги», как того и требует диалектический метод. Через закон Гумбольдта—Потебни входит в историю и теорию литературы элемент изучения *читательства* и становится там на первое место. Да, на первое, ибо, что такое

писатель? Он тот же читатель. Без читательства нет и не может быть писательства. Беллетрист, критик, ученый, как и все прочие читатели, могут судить о чужих речах и писаниях не иначе, как по своим восприятиям их, они понимают, запоминают, переживают и вообще выбирают оттуда только то, что на них подействовало, и поскольку подействовало. Ученый историк литературы тоже не более, как читатель, и его отзывы и мнения о книге нельзя отождествлять с самой книгой, равно как и с нашим пониманием его отзыва. Что бы ни писали о книгах и их авторах историки литературы и критики, мы, читая их, узнаем вовсе не их, а только те психические переживания, какие возбуждены в нас их словами. И это без конца и края. И всегда и всюду еще очень далеко от психики читателя или слушателя до психики писателя и оратора. И на этом пути пропасть. Отсюда вывод: всякая чужая речь, всякое чужое писание есть ничто иное, как проекция, построяемая слушателем или читателем, объективирующим и этим способом те свои субъективные переживания, которые они испытывают под влиянием восприятия чужой речи. Но всегда как качественная, так и количественная стороны этих переживаний зависят прежде всего от свойств читателя или слушателя,—зависят в неизмеримо большей степени, чем от чего бы то ни было. Значит, что такое книга и ее автор? *Наши проекции книги и*

автора Что такое подписчик библиотеки, покупатель и продавец книжного магазина? Это тоже проекции библиотекаря или книгопродавца Авторское творчество тоже представляет собой процесс психологический, процесс создавания проекций с тем, чтобы по этим проекциям читатели создавали свои собственные, отличающиеся от авторских. Циркуляция книг есть поток создавания и разрушения и нового создавания проекций по всему пути передвижения книги Основным и характернейшим явлением при таком ее передвижении неизбежно остается ее чтение и все виды его (просматривание, прочитывание, изучение и т. д). Это процесс психический. Значит, и литература и вообще книжное дело суть ничто иное, как один из отделов психологии. Этому отделу мы позволили себе дать название психологии *библиологической,* понимая под этим словом научное изучение всех психических явлений, связанных с создаванием, циркуляцией и утилизацией печатной, рукописной и устной речи, а, значит, и психологию книжного дела вообще. Это название ныне и принято на Западе Как известно, за последние десятилетия наука психологии уже в значительной мере превратилась и быстро превращается в одну из отраслей естествознания и вообще точного знания Вместе с нею следует по тому же пути и библио-психология, как психология литературы и книжного дела.

Всякая наука, завоевывающая свое право на особое существование в ряду других наук, должна иметь свой особый, вполне определенный объект и свой особый метод его изучения. Каков же объект библио-психологии? Из всего вышесказанного, как нам кажется, в достаточной степени ясно видно, что этим объектом является изучение библиологического восприятия, т. е. восприятия устного, рукописного и печатного слова. В процессе восприятия всегда участвуют три главнейших фактора 1) раздражение, 2) субъект, подвергающийся раздражению, и 3) реакция этого субъекта на раздражение. Библиологическая психология изучает действие таких раздражителей, как слово, фраза, текст, книга, серия книг, литература. Все это раздражители несомненно специфические, и их можно рассортовать по степеням их сложности, а изучать — как в качественном, так и в количественном отношениях. Читатель и слушатель суть объекты этих раздражений, судящие о их качествах на основании своих субъективных переживаний. Чтение и слушание суть две главнейших, но далеко не одинаковых формы библио-психологического восприятия, уже давно изучаемые экспериментальной и вообще научной психологией, которые уже много выяснили в этом процессе. Центральное место в библио-психологическом восприятии разумеется занимает субъект его. В выяснении функциональной

зависимости библио-психологического восприятия от индивидуальных и социальных особенностей субъекта и заключается главная задача библио-психологии теоретической За нею следует прикладная, которая ищет практических путей для коренного улучшения творческой работы, называемой создаванием, циркуляцией и утилизацией устного, рукописного и печатного слова.

Под влиянием библио-психологических раздражителей, в психике начинают совершаться чрезвычайно сложные явления, причем все особенности, приписываемые ею слову, фразе и книге, как возбудителям переживаний, передельываются, затушевываются, усиливаются. Каждый субъект представляет собой психо-физический организм, и каждое действие на него чужого слова, фразы, речи, обусловливает собой ряды рефлексов и вообще реакций с его стороны. Профессор Рихард Сéмон, знаменитый немецкий биолог, ввел в научную психологию весьма удобную терминологию, объединяющую собой и психические, и физиологические явления Эта терминология позволяет объединить и психологию книжного дела с биологией и с другими естественными науками, как фундаментом первой. По Сéмону, каждое раздражение—возбуждение, подействовавшее извне на живое вещество, производит в мозгу, а значит и в психике воспринимающего его субъекта, как бы

некоторый отпечаток, запись, по гречески «энграмму», точнее говоря—*первичную* энграмму, источником которой является *реальность*. Физическому явлению раздражения соответствует психическое явление возбуждения Обыкновенно первые приходят целыми группами или комплексами. Энграммы, под влиянием новых раздражений—возбуждений, способны к оживанию Р Сéмон назвал этот процесс их оживания экфорированием или экфорией, что значит «вынесение», «оживление», переход энграммы из потенциального в кинетическое состояние Экфория, в свою очередь, может давать энграммы Одновременно происходят другие явления, в описание которых мы не можем здесь вдаваться Энграммы, получающиеся от реальности, постоянно, так сказать, текут в нас. Энграфируются, т. е отпечатываются в психике, все ее переживания, будь то ощущения, образы, чувства, стремления, действия и так далее Жизнь есть накопление энграммы Такое накопление совершается и в ряде поколений, а не только в течение всей индивидуальной жизни. Совокупность энграмм, полученных в этом процессе раздражения—возбуждения, Р Сéмон называет мнемой, т е запасом переживаний, объединив этим термином и раздражение, и возбуждение, и физику, и психику, и сознание, и подсознание Мнема есть та психическая среда, реакция со стороны которой обусловливает собой всякий

результат всякого восприятия, а значит, и восприятия чужой речи, устной, рукописной и печатной. Эта реакция может быть и простой, и сложной, и даже бесконечно сложной. Ее простейшая форма—рефлекс Форма более сложная—рефлекс условный (по терминологии профессора И. Павлова) или «сочетанный» (по терминологии проф В. Бехтерева). К числу таких рефлексов принадлежат явления устной, рукописной и печатной речи и ее восприятие Р Сéмон различает мнему наследственную, т е выработавшуюся в процессе филогенезиса, от мнемы благоприобретенной, т е мнему вида или расы от мнемы индивида И Тэн первый выяснил значение расы, среды и момента, как трех основных факторов, обусловливающих происхождение и эволюцию литературных явлений. Эти факторы обусловливают не только качественную, но и количественную стороны мнемы каждого из нас, а значит—и процесс библио-психологического восприятия и реагирования на устное, рукописное и печатное слово. Закон Тэна является связующим звеном между библио-психологией и библио-социологией. Вместе с законом В. Гумбольдта—Потебни и законом Р Сéмона о мнеме и ее функционирования, закон Тэна представляет собой третий основной закон библио-психологии Это закон оформления и заполнения мнемы, действия на нее разных факторов, в том числе такого важного, как со-

циально-экономический Все вышесказанное в достаточной степени обрисовывает тот библио-психологический детерминизм, который лежит в основе всех литературных явлений и вообще книжного дела

Теперь взглянем на влияние устного, рукописного и печатного слова с точки зрения учения о мнеме Что из него следует? Качественная и количественная сторона влияния чужой речи на данного читателя зависит от его мнемы Изучение библио-психологических явлений сводится к изучению явлений мнематических, энграфирования и экфорирования Изучение чтения и слушания и их результатов сводится к исследованию мнематических процессов в данном читателе, в данный момент, в данной обстановке, под влиянием восприятия данной речи, устной, или рукописной, или печатной. Таким образом, *объем* понятия библио-психологии выясняется и определяется Эта наука изучает роль мнемы во всех психических явлениях, совершающихся в области литературы и книжного дела, в каждом индивиде, будь то читатель, писатель, слушатель, библиотекарь или подписчик библиотеки, издатель или книгопродавец, педагог или ученик его, а также явлений, происходящих в социальном коллективе

Понятие мнемы, т. е. той психо-физической почвы, на которую действует слово, и которая определяет и на свой лад переделывает все ре-

зультаты его действия, неизбежно приводит к изменению самого понятия литературы и книжного дела. Литература не есть совокупность произведений слова, а совокупность психических переживаний, возбуждаемых словом и его автором, как источником этого раздражения. Книжное дело не есть производство, циркуляция и утилизация произведений слова в смысле материальном, а совокупность психических переживаний, возбуждаемых и переживаемых в процессе производства, циркуляции и утилизации как индивидом, так и коллективом и вообще человечеством всех стран и времен. Основным правилом работы в области литературы и книжного дела становится поэтому такое правило: смотри в психику человека, а не в мертвый материал букв или звуков; изучай психические воздействия, психологию мнематических переживаний, психологию внутренних и внешних реагирований. Раздражитель узнается по его действию. Его действие узнается по качеству и количеству переживаний, из каких оно складывается; реагирование — по тем изменениям, какие вносятся им во внутреннюю и внешнюю жизнь индивида и коллектива. Никакой исследователь не может и не должен судить о результатах библио-психологических восприятий посредством изучения одного лишь мертвого материала. Эти результаты бывают разные, даже самые противоположные, как это видно из фактов,

приведенных в начале этого доклада, и зависимость результатов от мертвого материала ничтожно мала, сравнительно с их же зависимостью от психики, т. е. от качественной и количественной стороны мнемы каждого из нас. А это и значит, что библио-психология становится, при изучении литературных явлений и книжного дела, не иначе, как на первое место, и теория и история литературы получают в лице библио-психологии свой естественно-исторический, психо-физиологический фундамент.

Теперь посмотрим, какими способами изучать психические явления, связанные с литературой и книжным делом. Здесь перед нами вопрос о методе, о строго научном методе возможно точного изучения как общих, так и индивидуальных особенностей каждой отдельной мнемы, поскольку они сказываются в явлениях восприятия, в субъективных переживаниях и реагированиях на устное, рукописное и печатное слово, создающее духовную культуру человечества. Теперь пойдет речь о методах, утилизируемых в целях библио-психологического изучения. Такое изучение не следует смешивать с тем, которое обыкновенно практикуется, потому что при этом последнем на психологическую сторону меньше всего и обращается внимания, тогда как она всё, как о том и было сказано. Методы, практикуемые в целях библио-психологических исследований, можно

классифицировать на две главных категории: Обще-научные, во-первых, и специальный метод библио-психологии, во-вторых Останавливаться на первых не приходится, так как они общеизвестны, а применение их к изучению литературы и книжного дела уже давно практикуется и успело дать очень важные результаты Но в их применении в библио-психологических целях имеются и некоторые особенности, о которых нельзя не сказать двух слов, а именно 1) Библио-психология принимает за исходный пункт своих исследований не изучение книг и их авторов, а изучение *читателя и слушателя* и психических явлений, происходящих в них во время чтения и слушания, и лишь затем переходит к изучению так называемого «содержания» устной, рукописной и печатной речи и авторства) Это значит, что, с библио-психологической точки зрения, читатель должен быть изучаем раньше изучения той книги, какую он читает, и раньше, чем автор этой последней, а не обратно, как это обыкновенно практикуется. 2) Библио-психология рекомендует идти к изучению всякого *чужого* Я, будь то читатель или писатель и. т. д, от изучения *своего* Я, т. е от интроспекции к экстроспекции, от изучения процессов чтения и слушания в себе самом к их же изучению в других Я. 3) Библио-психология стремится не только к качественному, но и к количественному изучению восприятия и всех других явле-

ний, обусловленных функциональной зависимостью между тремя основными факторами книжного дела: читателем, книгой и писателем. Такая зависимость может быть выражена в виде математической формулы, подобно тому, как это уже достигнуто в некоторых других отделах научной психологии, главным образом в психо-физике. 4) Далее, библио-психологическое изучение должно идти от изучения восприятия речи *устной* к изучению восприятия речи *письменной и печатной*, от изучения *слушателя* к изучению *читателя*, а не обратно, потому что в устной речи принимают очень важное участие такие элементы психики, как интонация голоса, мимика и пантомимика. О них в процессе чтения мы лишь догадываемся. С точки зрения библио-психологии можно переходить к изучению пишущего и авторства лишь через изучение читающего. Такая последовательность изучения, как известно, почти не наблюдается ныне в области исследования литературы и книжного дела, так как содержание слова, а, значит, и чужих показаний, устных и письменных, предполагается определенно существующим, независимо от их восприятия чужим Я. Отрицая же это содержание, как нечто независимое от восприятия, библио-психология не может не отрицать и тех исследований, какие опираются на исследования «*содержания* чужих слов». Для нее—это такая зыбкая почва, на какой не вы-

строишь никакого здания настоящей науки. Нет, библио-психология должна исследовать психические явления, возбуждаемые словами, опираясь на исследование самых возбуждений и переживаний, а не посторонних, в сущности никогда вполне не осуществленных стремлений автора или оратора возбуждать их намеренно. Здесь перед нами снова закон И Тэна Из него нельзя не сделать следующего вывода сходство библио-психологических восприятий у двух или у многих индивидов и коллективов обусловлено сходством их мнем Поскольку сходны их мнемы, постольку, при прочих равных условиях, будут сходны и возбуждения, производимые в них одним и тем же словом, одной и той же фразой, книгой и т. д; и поскольку они несходны, постольку будут различны и действия всех этих раздражителей. Но ведь среди людей наблюдается, как известно, не только различие, но и сходство, значит, не может не существовать среди них и некоторого сходства понимания, восприятия, энграфирования некоторых слов, фраз. Это неизбежно вытекает из закона Гумбольдта—Потебни, Р. Семона и И. Тэна, и этим-то и объясняется общераспространенное мнение о том, что книга имеет содержание Но ведь у людей существуют и несходства; значит, тождество понимания, наблюдаемое даже при наличности некоторого сходства мнем, все-таки мифично—полного тождества нет и быть не мо-

жет, и границы между пониманием и непониманием не поддаются определению не только в чужом Я, но и в своем Поэтому В. Гумбольдт вполне прав, утверждая, что понимание в сущности есть непонимание. Библио-психология стремится довести обоюдное понимание людей до максимального предела Но она же не может не признать, что и максимальное наше взаимопонимание никогда не достигнет своего предела математического, сколько бы мы ни стремились к этому

В чем же заключается цель всех тех методов, какие должны быть применяемы при изучении библио-психологических явлений? Вот в чем: они должны нам дать *материалы*, а затем и *способы* узнавать чужие Я, участвующие в каком-либо библио-психологическом процессе, — узнавать в максимальной степени и с максимальной точностью Исследователь должен выработать в себе искусство вчувствования и перевоплощения в чужое Я. То и другое предполагает способность интуитивно познавать его Напомним, что метод научной индукции включает в себя и индукцию, как свой необходимый элемент. Опираясь на такие индуктивные методы, как наблюдение и эксперимент, библиопсихология не может не ввести в их число, вместе с индукцией, и интуицию. Всякий читатель, писатель, критик, всякий библиотекарь или другой работник книжного дела должны быть

интуитивны Но, разумеется, мы, говоря так, отнюдь не рекомендуем им смотреть на интуицию, как на отмену других методов научного исследования. Интуиция вовсе не есть отмена и даже не замена их, а лишь необходимое дополнение к ним Кроме того, во избежание увлечений мнимою легкостью интуиции и согласно строго научному методу, она сама нуждается в *проверке,* равно как и вчувствование и перевоплощение Такою проверкой в области библио-психологических исследований является проверочный эксперимент, главным образом так назыв «естественный эксперимент», т. е. такой субъект, над которым проделываются проверочные опыты и наблюдения, не знает и не ведает о том, что он служит их объектом

Здесь мы дошли почти до предела библиопсихологического познания и исследований чужих Я. Далее остается лишь войти в область их супранормального познания. Исследования В Бехтерева над передачей мыслей и других переживаний на расстоянии и исследования Флурноа, Фореля и многих других позитивистов, не имеющих ничего общего с оккультистами, приводят к выводу, что ныне и на супранормальное, невидимое общение и непосредственное познавание одного Я другим Я, и не только мыслей, но и других психических качеств на расстоянии, должно смотреть, как на научно доказанный *факт,* хотя еще далеко не

изученный, но несомненно поддающийся точному экспериментальному изучению Разумеется, им воспользуется в свое время и библио-психология. Но даже и телепатические явления трактуются некоторыми исследователями - позитивистами не как передача явлений, а как возбуждение их, производимое индуктором в индуцируемом, агентом в реципиенте

Из всего предыдущего видно, что библио-психологические исследования чужого Я, т. е чужой мнемы, будь то читатель, писатель или слушатель, могут простираться очень далеко и даже в настоящее время допускают настолько точное и глубокое знание и понимание чужого Я, какого не достигнуто до сих пор никаким ученым критиком, комментатором и исследователем литературных явлений, произведений и авторов, исследователем обыкновенно руководящимся своими интуициями. Такую интуицию не следует смешивать с той, к какой прибегает библио-психолог, строящий свои вчувствования и перевоплощения в чужое Я на индуктивно собранном материале.

Полное и подробное изучение личностей и индивидуальной мнемы естественно ведет за собой возможность составлять их библио-психологические характеристики, а значит и классифицировать так изученных субъектов по их родам, видам и разновидностям, к чему уже давно и стремятся такие отделы научной

психологии, как психология индивидуальная, этология Джона Стюарта Милля, характерология А. Лазурского, типология К Юнга, ноология д-ра Ментре и т. д. В результате научной классификации тщательно изученных индивидуальностей и их мнем выясняется понятие психического *типа*. Библио-психология стремится к классификации и читателей, и писателей, и слушателей на разные психические, а также и социальные типы, понимая под термином «тип» относительно устойчивый комплекс определенных и для него характерных психических особенностей, свойств, качеств, наклонностей, обусловливающих как явления восприятия, так и все мнематические процессы, и реагирующих на разные библио-психологические раздражения—возбуждения.

Тут библио-психология наталкивается на очень большую трудность, до сих пор еще не превзойденную индивидуальной психологией, и вот какую: термин «тип» обозначает понятие общее и потому недостаточно определенное и точное, особенно же в его применении к живой человеческой личности, всегда своеобразно чувствующей, мыслящей и страдающей; кроме того, этот термин «тип» имеет очень много значений, много разных смыслов даже в научной литературе. Дать ему определение логическое и указать, согласно правилам формальной логики, его родовой и видовой признаки,—этого еще

недостаточно для целей библио-психологии, как науки точной. Надо найти способ определять любой психический тип и принадлежность любой личности к тому или иному типу с безусловной точностью, т. е. не только качественно, как это делают например К. Юнг, А. Лазурский и др., но и количественно. Необходимо выработать умение, найти достаточно практичный прием определять индивидуальность и ее тип быстро и отчетливо—точно, выясняя при этом, во-первых, насколько, а во вторых, во сколько раз разные типы и индивидуальности отличаются друг от друга. До сих пор индивидуальная психология не умеет этого делать. Поэтому библио-психология, правда, прежде всего в своих специальных целях, должна была искать свой собственный метод, ведущий к ним. Она и нашла его, воспользовавшись словом, фразой и книгой, как реактивами или тестами, научно изучая их воздействия, т. е. возбуждения психических явлений, ими производимые, и предлагая самому субъекту давать отчет о них в таких терминах, которые могут быть понятыми и другими субъектами *одинаково*. Специальный метод библио-психологии должен находиться в полном согласии со всеми основными законами библио-психологии (Гумбольдта — Потебни, И. Тэна, Р. Семона). Он же должен давать возможность определять не только тип читателя, но и тип книги и ее автора. И не только тип психиче-

ский, индивидуальный, а и социальный, тип любого коллектива и его литературы, обусловленной типом их мнемы Об этом специальном методе библио-психологии теперь и пойдет речь

Этот специальный метод прежде всего есть метод научного изучения библио-психологического восприятия устного, рукописного и печатного слова Время и место не позволяют мне вдаваться во все подробности применения этого метода и во все тонкости его, но я это сделал в моей книге «Основы и задачи библио-психологии», ныне печатающейся в Харькове на русском языке и в конспективном виде вышедшей еще раньше того в Париже на языке французском. Здесь я буду говорить, главным образом, об основных принципах, лежащих в основе специального библио-психологического метода, а для простоты дела ограничусь лишь приложением его к изучению восприятия только слова печатного и рукописного, оставляя в стороне те усложнения, какими сопровождаются восприятия живой речи.

Т. к. чтение есть восприятие печатных или написанных слов, фраз и текстов, то простейшая его единица, а, значит, и исходный пункт, есть слово. Существуют три главных типа восприятий текста. Первый тип: восприятия отдельных его единиц, слово за словом, одного независимо от другого, как будто те вовсе не

существуют тут же рядом. Это вербальный тип восприятия. Его изучает вербальная библио-психология.

Второй тип: восприятия каждого отдельного слова, но в связи с восприятием других слов, входящих в состав той же самой фразы или текста. Этот тип библио-психологического восприятия сильно отличается от вербального типа, потому что каждое отдельное слово значит в контексте уже не то, что взятое отдельно: возбуждение, производимое в мнеме дождем слов, совсем не то, что возбуждение, производимое каждой отдельной капелькой такого словесного дождя. В контексте тот смысл, какой приписывается каждому отдельному слову, изменяется теми психическими явлениями, какие субъективно переживаются данным читателем в процессе чтения под влиянием других слов того же контекста. Это интервербальный тип восприятия, который исследует интервербальная библио-психология. Его анализ раскрывает ряд таких особенностей библио-психологического восприятия, как явления интервербальной памяти, ассоциации, апперцепции, интерференции, поляризации, потенциала и т. д. и т. д.

Третий тип является следующей ступенью в эволюции предыдущего. При наличности разных интервербальных связей, восприятие отдельных слов все более и более сливается, а возбуждения, ими производимые в мнеме, так ска-

зать, химически соединяются: из всех них получается возбуждение, т. е. психическое переживание единое, общее и слитное, совсем или почти бессловесное,—получается единица высшего порядка Из таких единиц в свою очередь и тем же способом могут составиться единицы библио-психологического восприятия еще более высоких порядков,—единицы, составленные из единиц, тоже потерявших свою индивидуальность, обезличенных Такие общие переживания не похожи ни на одно из тех, какие были произведены каждым отдельным словом того же контекста в его вербальной несвязности или в интервербальной связности Каждый из нас по своему опыту знает, что по прочтении фразы, главы, текста, книги, массы книг остается в нас психический осадок, новая энграмма библио-психологических массовых раздражений—возбуждений,—осадок бессловесный или малословесный, но резюмирующий предыдущие переживания читателя, обусловленные его восприятием библио-психологических единиц низших порядков. Такое резюме дает свою энграмму в мнеме, то доходящую, то не доходящую до сознания. Это свое переживание читатель тоже приписывает объекту, т. е. читаемому тексту, а не себе, как субъекту Такие восприятия мы называем суправербальными, ибо они над-словесны, они выше отдельных слов. Их изучает *суправербальная библио-психология*. Здесь перед нами

словесная дематериализация мысли, чувства и других переживаний, возбужденных текстом, освобождение этих переживаний от филологической, точнее говоря от лингвистической их формы Не трудно видеть, сколь далеко суправербальное восприятие от вербального, и сколь мало похожи его результаты на вербальные возбуждения, произведенные теми словами, из каких автор текста составил свое писание В процессе перехода от вербального к суправербальному восприятию стушевываются влияния таких факторов авторства, как выбор слов, число выбранных слов, расстановка их, и т. д Вместе с тем усиливается элемент экфорий, произведенных на этом пути, а эти экфории тоже относятся к объекту, к тексту

Процесс книжного влияния еще сложнее, чем каким мы его тут описали. Но по такой библио-психологической схеме трех этажей восприятия (вербального, интер- и суправербального) он удобно поддается систематическому исследованию, а это последнее и раскрывает целый ряд тайн, касающихся всякого рода словесных воздействий человека на человека, раскрываются и дороги к чужой душе, и препятствия на этих дорогах Раскрываются такие тонкости, каких и не подозревают многие и многие работники книжного дела, по простоте душевной считающие, что разбрасывание книг по градам и весям (urbi et orbi), их подсовы-

вание и рекомендация—самая суть книжного дела, а в том числе и создавание кадров. Библиопсихология предостерегает таких сеятелей: не упрощайте своего дела. Грубое и примитивное решение не есть решение. Оно может дать результаты прямо противоположные ожиданиям, да и дает их уже, и их не искоренить даже путем искоренения живых людей: ведь то, что вербально звучит как плюс, нередко превращается, по пути к суправербальности, в минус, ибо слово не есть передатчик, а есть возбудитель разных психических переживаний, а из них самые важные—эмоции и стремления. Брейер, Блейдер, К. Юнг, С Фрейд, А. Форель, Франк, Пфистер, Бодуэн и другие психоаналитики выяснили путем своего метода тот факт, что строение индивидуальной мнемы очень сложно, что она обыкновенно не представляет собой чего-то единого и цельного; что она способна к диссоциации, иногда доходящей до раздвоения и даже растроения личности; что в мнеме постоянно образуются и постоянно дезорганизуются так называемые комплексы, т. е. группы ассоциирующихся переживаний, каковы, например, идеи, образы, ощущения, эмоции, стремления, инстинкты и разные действия (рефлективные, автоматические, а также сознательные или волевые). Выяснено также, что эмоции являются при этом тем психическим цементом, который связует в одно целое разные другие пережива-

ния, как энграммы, так и экфории. Что же из этого следует? А то, что примат в нашем Я принадлежит не сознанию, а эмоциям, т. е элементу иррациональному Выяснена и роль подсознания и явления так называемой психической заразы подсознательного подражания, явления внушений, источником которых может сделаться любое слово воспринимаемого текста, если при этом внушение перейдет в самовнушение. Выяснено и много других процессов чрезвычайно интересных и важных. Все это играет крайне существенную роль при восприятии текстов, как и речей, и эти влияния распространяются и на вербальный, и на интер- и суправербальный этажи восприятия Поэтому понять процесс чтения и его влияния—это значит исследовать все эти три этажа, а также и их соотношения Вот это-то и позволяет сделать специальный метод библио-психологии, который можно было бы назвать методом библио-психологического анализа. Он дает возможность изучать разные Я сравнительно, как в качественном, так и в количественном отношении, в том и в другом одновременно Вот этот метод, начиная с вербального этажа.

Возьмем какой нибудь текст, например «Тучки» Лермонтова. Что значит вербально проанализировать их? Это значит забыть самый текст стихотворения, а взять лишь его все слова и расставить их, например, в алфавитном по-

рядке, так, чтобы значение каждого слова не зависело или почти не зависело от значения других слов того же контекста Интер-вербальное чтение того же текста,—это чтение тех же самых слов, но расставленных в том порядке, в каком написал их сам автор Лермонтов. Суправербальное чтение—это восприятие того же самого текста, но целыми фразами, не обращая внимания на отдельные слова, или почти не обращая, а лишь схватывая самую суть каждой такой или даже еще более высшей единицы Все стихотворение составлено из таких единиц все более и более высшего порядка. По прочтении, обыкновенно все отдельные слова и фразы этого текста забудутся или почти забудутся. Останется же только суправербальный осадок, т. е. след тех переживаний, какие энграфировались в процессе чтения.

Итак, будем читать прежде всего отдельные слова в алфавитном порядке одно за другим. Любой читатель, их читая и понимая, этим уже дает себе интроспективный отчет о тех переживаниях, какие он при этом испытывает при восприятии каждого отдельного слова. Если слово понятно, это значит понятен его с м ы с л, т е. идея, возбуждаемая словом, общее понятие. То же самое слово может возбудить и какую-нибудь умственную картину, и чувство и т д. Интроспективно всякий читатель может дать себе отчет, какие переживания испытывает он

вследствие возбуждения его мнения, произведенного таким-то словом Мысль очень легко отличить от чувства, образ, умственную картину—от отвлеченной идеи, от вспышки полового или иного какого инстинкта и т. д С библио-психологической точки зрения интересно давать себе отчет вот о каких категориях или элементах субъективного психического переживания, возбуждаемых воспринятым словом. Таких главнейших категорий библио-психология в своих целях намечает семь 1) понятия, или общие отвлеченные представления; 2) образы или представления очень конкретные, картинные, живые, например в красках и звуках; 3) ощущения, т е. элементы образов, например такой-то цвет, такой-то вкус и т д., 4) чувства, эмоции, страсти, афекты, настроения и т п волнения или «движения души»; 5) хотения, стремления, желания и другие волевые явления; 6) низшие органические чувства и инстинкты, например половой, родительский, стадный, воинственный и т п; 7) движения или действия, т. е мысленные переживания действий, воспоминания о которых возбуждено словом,—переживаний как рефлекторных, так и автоматических, так и сознательных. Всего 7 категорий. Здесь перед нами самая краткая классификация психических переживаний, сделанная с определенною библио-психологическою целью, и к ней надо предъявлять требования

специальные, а не обще-психологические Значит, перед нами тут семь главнейших категорий психических переживаний, возбуждаемых при восприятии как устной, так и рукописной и печатной речи. Все прочие психические явления, какие только переживаются человеком, представляют собой или их роды, виды и разновидности, или их комбинации, например воображение Иные переживания не входят в библио-психологическую комбинацию по другим причинам, например память и внимание, сознание и подсознание, внушение и самовнушение. Они принимают участие в восприятии слова, как факторы этого восприятия Они-то и совершают эту работу возбуждения того или иного комплекса данной мнемы, экфорируя прежде испытанные переживания, наследственные и благоприобретенные. Библио-психология стремится изучить воздействие изучаемого текста прежде всего на эти главнейшие семь рубрик. И почему именно на них? Потому что они уже определяют психический тип всякого читателя или слушателя Если слова текста в них возбуждают главным образом отвлеченные понятия, это значит,—читатель этот принадлежит к отвлеченному типу. Читатель, в котором возбуждаются психические явления этой категории чаще, чем в каком-нибудь другом читателе, представляет собой более отвлеченный тип, чем тот. Если возбуждаются

главным образом умственные картины (представления, образы),—это, значит, читатель конкретного типа, не отвлеченного. Люди эмоциональные испытывают под влиянием того же самого текста гораздо больше эмоций, чувств, чем люди не-эмоциональные, сухие, вялые и т. п. Один читатель волевого типа отметил при слове «книга» категорию «хотений», а не образ, и не понятие книги. И он сделал это совершенно правильно и именно потому, что он волевого типа, как человек хотений и стремлений. Из этого примера видно, что библио-психологический анализ вовсе не есть анализ грамматический или логический: он требует классификации не частей речи и не частей силлогизма, а классификации переживаний, совершенно независимо от лингвистических, грамматических и логических форм текста. На это следует обратить особенное внимание, вникая в самую суть библио-психологии, так как, приравнивая ее анализ к грамматическому или логическому, разумеется не поймешь и самой сути специального библио-психологического метода. Если у данного читателя относительно легко возбуждаются словами данного текста разные инстинкты, напр. половой, воинственный и т. д., это характеризует возбудимость его наследственной мнемы, так как, по правильному определению профессора Геринга, инстинкт есть ничто иное, как «память вида», наследство, которое и

получает от него индивид, принадлежащий к этому виду Особая чуткость к звукам или краскам и др. ощущениям характеризует тоже прирожденные свойства,—слуховой или зрительный тип читателя. Понятия, эмоции, стремления, действия, оценки — явления более сложные и характеризуют не столько наследственную, сколько благоприобретенную социальную мнему. Все слова всякого языка безусловно поддаются библио-психологической классификации, потому что нет и не может быть такого слова ни на каком языке, которое не возбуждало бы при его восприятии ровно никакого психического явления в мнеме его читателя или слушателя Ведь без этого слово не будет замеченным. Здесь перед нами фундамент библио-психологии.

Берем теперь пример вербального библио-психологического анализа слова «Тучки». Попробуем отметить у этого слова все те категории личных психических переживаний, какие возбуждаются этим словом в нас в данный момент Об этом, разумеется, может дать себе отчет только тот, кто их испытывает, т е. субъект переживаний, а знать их он может только интроспективно. Для всех прочих людей эти его переживания—X (икс).

Но вовсе не икс те семь категорий психических явлений, по каким мы предлагаем классифицировать психические переживания. Ведь все без исключения люди знают каждую категорию

по собственному опыту, в силу самого устройства своего анатомического механизма и психофизического организма и в силу их, по существу, сходного функционирования у людей. Значит, тут перед нами анатомическое и физиологическое, а значит и психологическое сходство мнем, а значит и несомненное сходство возбуждений Как мы уже выше отметили, по законам Гумбольдта—Потебни и Тэна, люди могут понимать друг друга лишь постольку, поскольку сходны их мнемы. Поэтому библио-психология начинает изучать мнему чужого Я, во-первых, с очень многих и самых крупных категорий психических явлений и, во-вторых, убедившись, что слова, обозначающие название каждой категории, действительно соответствуют сходству мнем, т. е. понимаются разными лицами, подвергающимися библио-психологическому исследованию, одинаково. Это и значит, что эти слова соответствуют средней мнеме, или, что то же, общему сходству индивидуальных мнем, принадлежащих к одному и тому же коллективу. Кроме того проверить тождество понимания только семи слов, обозначающих название категорий, ведь куда легче, чем многих тысяч слов. Библио-психология начинает с этих семи. Значит, классифицируя все слова Лермонтовского стихотворения «Тучки» по семи вышеуказанным категориям, разные субъекты, несомненно, будут употреблять все семь терминов их названий в одном

и том же одинаковом смысле, как вы, я и другие.

Но вот что интересно лишь только мы начнем применять нашу схему из семи категории к классификации по ней наших субъективных переживаний, возбужденных каждым классифицируемым словом, мы немедленно убеждаемся, что каждое из них возбуждает в нас не одно, а несколько категорий разных переживаний Так, например, слово «тучка» может возбудить и понятие тучки (идею о ней), и образ тучки, и эмоцию красоты, и стремление подняться ввысь и вверх, и лететь высоко, высоко, и инстинкт жизни при таком порыве, и ощущение белого или розоватого цвета, и мысленное переживание действия, т е передвижения тучки Все такие переживания могут возбуждаться совместно или по частям, в разных комбинациях, по два, по три и т д, а то и по одному Из этого примера видно, что одним и тем же словом обыкновенно возбуждаются в читателях, как и в слушателях, так сказать аккорды переживаний, библио-психологические аккорды Всякое, почти всякое слово есть возбудитель целого аккорда субъективно переживаемых психических явлений, и чем их больше, и чем они напряженнее, тем выше *потенциал* этого слова, их возбудившего У каждого слова имеется какой-либо потенциал, а у потенциалов—свой максимум и минимум. Потенциалы эти бывают то интеллек-

туального типа, напр слова, особенно привлекающие внимание своим смыслом, то эмоционального (слова, возбуждающие какое-нибудь чувство сильнее, чем другие слова того же контекста), то волевого (слова, сильнее побуждающие и толкающие). Так и должно быть Но некоторые слова, по отношению к переживанию той или иной категории, имеют и нулевой потенциал: это значит, — они совсем не возбуждают переживаний Значит, у разных субъектов переживания разных категорий бывают разной силы и напряженности По большей части хотя бы некоторые из них так слабы, что до сознания субъекта они вовсе не доходят Например, сухой человек не чувствует вовсе никаких эмоций там, где у человека эмоционального кипит вся душа вследствие возбуждений, произведенных на него тем же текстом Абстрактный мыслитель не переживает образов там, где душа художника полна ими и блещет обилием форм и красок, а душа музыканта образами мелодий и гармоний и другими слуховыми образами. Человек обостренного полового инстинкта чувствует в себе половое возбуждение даже от таких слов, от каких у людей другого типа не явится и мысли о какой-либо сексуальности. Значит, интроспективное определение тех субъективных переживаний, какие возбуждаются каждым отдельным словом в процессе их восприятия то в одиночку, то целыми аккордами, поддаются осознаванию и

определению интроспективному А эти определения или *осознавания* наверное будут индивидуально и типично различны у разных субъектов, соответственно с психическим типом каждого из этих последних Здесь перед нами функциональная зависимость библио-психологических восприятий и мнемы данного типа Значит, по интроспективным ответам, только по отметкам каждого отдельного читателя, обозначающего хотя бы только нумера категорий, можно уже судить о его психическом типе. Все эти, в сущности очень простые, соображения позволяют изучать библио-психологические восприятия в количественном отношении, сравнивать одни переживания с другими, сравнительно изучать и читателей, и писателей, и книги и т д, выражая типы тех и других математической формулой, которая как таковая и вносит ясность, отчетливость и определенность в библио-психологическое изучение как литературы, так и книжного дела. Все это можно сделать вот каким способом.

Каждый аккорд переживаний, отмеченных самим читателем в виде нумеров, соответствующих одной из семи категорий, о каких шла выше речь, представляет из себя внешний симптом внутренних переживаний, соответствующих функционально мнеме данного читателя. Такой аккорд, выраженный этими нумерами, говорящими о субъективно засвидетельствованных ка-

чествах тех переживаний, какие отмечены таким-то номером, представляет собой очень определенный материал, поддающийся статистической обработке, в результате которой и получается статистическая характеристика данного читателя. И правда, чем конкретнее его психика, тем больше он делает указаний на номер конкретных переживаний, например на категорию образов или умственных картин. В нашей классификации эта категория отмечена № 2. От субъектов эмоциональных нельзя не ожидать того, что они поставят № 4, под каким стоит категория эмоций, около более значительного числа слов анализируемого ими текста. Можно подсчитать, сколько раз поставлен данным субъектом тот или другой номер на протяжении этого текста. Таким образом можно подвести итоги всем семи категориям, подсчитав, сколько раз какие психические переживания были возбуждены в данном читателе. Теория статистики дает возможность поставить всякий подсчет на строго научную математическую почву, если только определенно установлена единица подсчета. При вышеописанном библио-психологическом подсчете такая единица определенно установлена, как это сейчас было описано. Теория статистики показывает, как вести подсчет, как выводить средние величины, а также величины производные, как использовать так называемый «закон больших чисел» и «теорию вероятностей», позволяющую делать подсчет весьма точным,

как использовать при этом подсчете формулу Гауса и др. формулы с целью сделать все наши выводы возможно определеннее и точнее. Специальный библио-психологический метод позволяет ввести в изучение литературы и вообще книжного дела метод статистический, а, значит, и математический, и представляет собой некоторую комбинацию интроспекции со статистикой. Такая комбинация уже не новость в экспериментальной психологии Новым можно назвать лишь ее применение к интервербальному и суправербальному анализу библио-психологических восприятий, наблюдаемых у разных читателей или у одного и того же читателя в разное время Новыми можно назвать и научные выводы, какие из этого применения такой комбинации неизбежно должны быть сделаны

Прежде всего станем подсчитывть номера, отмечая, сколько раз проставлен данным читателем какой номер Ставить номер это значит осознать в себе наличность переживания, относящегося к той психической категории, какая отмечена этим номером классификации Из этого видно, что единицу подсчета представляет осознавание того или иного переживания, и ее можно назвать осознаваемостью Положим, данный читатель, проставив у каждого слова Лермонтовских «Тучек» номера психических категорий соответственно его переживанию каждого слова, сделал свой интервербальный

анализ всему этому стихотворению Подводим итог этому анализу. В результате, напр., получаем Категория № 1 (понятий) упомянута данным читателем 95 раз. Категория № 2 (образов)— 116 раз, категория № 3 (ощущений) — 9 раз Категория № 4 (эмоций) — 123 Категория № 5 (низших органических чувств и инстинктов)— 7 раз. Категория № 6 (хотений, стремлений и др. волевых явлений)—37 раз Категория № 7 (деиствий) — 7 раз. Сравнение этих цифр показывает, что слова текста возбудили в данном читателе наибольшее число переживаний эмоциональных, затем образов, затем понятий, затем стремлений. По цифрам можно судить об относительной частоте переживаний каждой категории Теория статистики учит, что количество есть вместе с тем и качество при изучении массовых явлений Библио-психологическая статистика такого рода есть особый метод изучения явления действительно массового ведь читатель испытывает, читая какой-либо текст, массу различных переживаний Можно ради большей сравнимости выразить осознаваемости каждой категории в виде процентного отношения сейчас приведенных чисел к общему числу номеров, проставленных данным читателем к словам данного текста. Там мы получим цифры, которые называем библио-психологическими коэффициентами За каждой единицей, вошедшей в состав такого коэффициента,

скрывается единица подсчета, т е. осознаваемость психических явлений той категории, какая выражена этим коэффициентом. Запомним это название «библио-психологический коэффициент», так как оно имеет огромное значение для всей разработки библио-психологии. В сущности очень простой метод такого количественного определения переживаний в течение восприятия дает возможность характеризовать и тип читателя, и тип книги, и тип автора, и функциональную зависимость между всеми типами, поднимаясь от исследования какого-нибудь *одного* читателя в какой-нибудь один момент его жизни к его же исследованию в течение *нескольких* и *многих* моментов, а оттуда к пониманию того же читателя, как *средней* величины, и идя все выше и выше, от исследования одного читателя, к исследованию многих; от исследования читателей одного автора к исследованию читателей многих и различных авторов, одного отдела каталога к читательству многих и всех отделов Теория статистики показывает, как это делать, как восходить от исследования индивидуальных элементов к исследованиям все более и более общим. Тот же метод допускает исследовать любой текст, как реактив на всякого читателя, а не любого читателя,—как реактив на разного сорта книги. Так в изучении литературных произведений и их восприятий вводится новый способ изучения, позволяющий количественно оценивать и читателей, и

книги по производимому ими действию в процессе восприятия, и это с не меньшей точностью, чем с какой статистик-экономист производит исследования в своей области, считая, напр., число хозяйств, число сделок и т. д. Подсчитываемые хозяйства могут при этом быть разных качеств, разных размеров, разной величины, разной напряженности и т. д., но единицей подсчета в данном случае все-таки является каждое отдельное хозяйство. Библио-психолог рассуждает подобно этому: подсчитываемые им, напр., эмоции могут быть тоже разными, — разных качеств, разной напряженности и т. д., но подсчитывание их сознаваемостей все-таки правильно, раз мы приняли за единицу подсчета каждую осознаваемость, этот, так сказать, маленький взрыв данной эмоции в нашем сознании, производимый раздражающим действием такого-то слова на данную мнему. Из всего сказанного, надеюсь, ясна самая суть специального библио-психологического метода, а также и перспективы, им открываемые.

Делаем теперь следующие шаги. Мы уже упомянули, что специальный библио-психологический метод применим и к вербальному, и к интервербальному, и к суправербальному анализам. Результаты каждого из них могут быть выражаемы библио-психологическими коэффициентами, обозначающими те же самые психологические категории, но эти коэффициенты для каж-

дого из этих трех анализов будут разной величины, хотя читатель производит анализ во всех трех случаях одному и тому же тексту Лишь у очень немногих слов проставит он одни и те же номера как при вербальном, так и при интервербальном анализе Что касается до анализа суправербального, то библиологические коэффициенты, полученные этим путем, оказываются еще менее сходными с коэффициентами двух предыдущих анализов. Вдумываясь во все эти коэффициенты, в их расстановку, в их соответствие или несоответствие с нашей точки зрения каждому слову текста, мы производим анализ читательской психики, так сказать, по трем этажам ее, вникаем в ее таинственную, от нас обыкновенно ускользающую работу, изучаем ее и количественно, и качественно, научаемся судить о психике по ее библио-психологическим проявлениям.

Но можно идти еще дальше и от изучения какого-нибудь одного читателя перейти к изучению другого и к сравнительному изучению многих, какого угодно большого числа их Дайте один и тот же текст, напр. те же «Тучки», нескольким читателям и, получив от них соответствующие данные, определите библио-психологические коэффициенты каждой категории психических переживаний для каждого читателя. Эти все коэффициенты будут разными. Одинаковых вы никогда не получите, разве что в очень

редких случаях, не представляющих никакого общего правила Вы можете сравнить всех этих читателей по их отношению к одному и тому же тексту не только в качественном, но и в количественном отношениях, путем выяснения тех переживаний, какие в них возбуждаются наиболее легко или наименее слабо. Здесь перед нами уже изучение коллектива. Если в вашем распоряжении окажется достаточно большое число индивидуальных показаний, характеризованных библиологическими коэффициентами, вы сможете классифицировать эти показания по преобладанию переживаний той или иной категории, т. е по величине коэффициентов. Таким образом, специальный библио-психологический метод открывает для нас возможность не только изучать читателей разных типов, но и характеризовать каждый тип при помощи библио-психологических коэффициентов. Но пойдем еще дальше. Ведь мы можем сравнивать величину коэффициентов, полученных для одного читателя, с соответственными коэффициентами, полученными от другого, и при этом определять, насколько или во сколько раз одни из этих коэффициентов больше или меньше других, т. е. принадлежащих другому читателю Таким образом специальный метод позволяет нам выяснять личные особенности каждого читателя сравнительно. Что представляет собой такое выяснение? Оно есть ничто иное, как особый способ произ-

водить поправку на индивидуальность если такой-то читатель вынесет из чтения данного текста такие-то субъективные переживания, то по их размерам можно судить о том, насколько или во сколько раз он уклоняется от всякого другого читателя, таким же способом изученного. Изучая самого себя, исследователь превращает себя в единицу сравнения, сознательно и планомерно установленную, — в определенную мерку для сравнительного понимания других Я. Только такое сравнительное их изучение дает нам возможность ввести в исследование литературы и вообще книжного дела до сих пор для нее совершенно чуждое, и тем не менее крайне важное и совсем новое, понятие личного уравнения или поправки на наблюдателя. Личным уравнением мы называем здесь точно формулированную разность библио-психологических переживаний, наблюдаемых в данном субъекте, сравнительно с соответственными переживаниями другого субъекта, например переживаний, возбужденных в том и другом одними тем же текстом, одним и тем же библио-психологическим раздражителем. Вот эту-то разность и можно выразить библио-психологическими коэффициентами, подобно тому, как это делают астрономы. Для того, чтобы превратить изучение психических явлений, связанных с литературой и книжным делом, в одну из отраслей точного знания, необходимо бороться с тем

субъективизмом выводов и оценок, который ныне там наблюдается и доведен до крайних пределов. Литературные явления нуждаются в строго объективном констатировании, объяснении и оценке не менее, чем экономические и всякие другие явления, если они изучаются действительно научно. Но было бы настоящим преступлением вытравлять из области литературного творчества и его критических оценок этот самый субъективизм, неразрывно связанный с свободой всякого духовного творчества. Библио психология дает способ отнюдь не вытравления этого субъективизма, а *измерение той амплитуды,* какая существует между оценками субъективной и объективной Превращение библио-психологического изучения литературных явлений в объективную науку может быть достигнуто посредством качественного и количественного выяснения того расстояния, какое наблюдается у данного субъективного оценщика от той оценки, какую дает тому же явлению другой его оценщик, мнение которого принимается за единицу или мерку сравнения. Может быть принят за нее и некоторый средний уровень *многочисленных* оценок, подобно тому, как средняя величина, т. е. арифметическое среднее, превращается в эталон, т. е. общепринятый образец измерения или сравнения. Специальный метод библио-психологии позволяет сделать и это. А раз это так, то любая субъективная оценка может быть сопровождаема личным

уравнением, вносящим определенную поправку на данного читателя, на данного слушателя, на данного критика и вообще писателя, а все уклонения этих последних от эталона могут быть приняты в расчет Это одинаково приложимо не только к критику, но и к историку литературы, и к ученому исследователю, и к публицисту, и к философу, и к репортеру, и вообще к наблюдателю, и т. д Привнесением поправки на наблюдателя может быть достигнуто устранение так называемой «лжи свидетельских показаний» в области литературы и книжного дела. Все это достигается путем различных сравнений и сопоставлений библио-психологических коэффициентов, полученных для разных субъектов. Путем повторения и расширения исследований мы можем получить возможность выводить средние величины для различных коллективов, будь то профессиональная, классовая или какая угодно другая группа читателей. Так мы можем получить целый ряд средних величин, средних коэффициентов для каждой категории психических переживаний и для разных коллективных группировок. Это будут эталоны или мерки сравнений, так сказать различные уровни, удаленность от которых и будет характеризовать того читателя, которого мы станем сравнивать с каждым из этих эталонов, в том порядке, в каком требуется для целей исследования. Разумеется, коэффициент эмоций должен быть сравниваем с коэффициентом эмоций же, и т. д.

Тот же специальный библио-психологический метод позволяет производить библио-психологический анализ чрезвычайно детально и глубоко Ведь ничто нам не мешает взять психологическую классификацию не на семь, а на 70, на 700 и вообще на сколько угодно категории. Нами лично составлены четыре последовательных ступени таких классификаций Первая состоит из семи только главных отделов Во второй эти семь отделов разделены на подотделы, которых лишь двадцать В третьей их уже 60, в четвертой 213. Можно составить классификацию еще более детальную, соответственно с этим необходимо брать для анализа достаточно большое число слов, например несколько сот слов. Мы лично доводили анализ текста, состоящего почти из пятисот слов, около которых пришлось поставить более пяти тысяч номеров. Чем больше число слов и номеров, тем определеннее сказывается влияние закона больших чисел, и тем больше приближается результат анализа, т. е величины библио-психологических коэффициентов, к среднему уровню Таким образом явилась возможность вникать в очень тонкие особенности анализируемой психики, что достигается сопоставлением коэффициентов, относящихся и к главным категориям, и к их подотделам, и к подотделам этих подотделов и т. д. и т. д. Кроме того, присматриваясь к тем цифрам, какие проставлены данным субъектом около каждого

отдельного слова, мы как бы присутствуем при работе его классифицирующей мысли, при чем эта самая классификация раскрывает перед нами как бы спектр его тончайших переживаний, никаким иным способом до сих пор не улавливавшихся Так библиологический психо-анализ сливается с общим психо-анализом, взаимно пополняя и подкрепляя друг друга и идя к одной и той же цели, хотя и несколько различными путями: один — путем изучения библио-психологических восприятий, другой — путем разговора

Какие же практические и теоретические результаты получаются из разработки и применения библиологической психологии к улучшению различных сторон книжного дела, создавания, циркулирования и утилизации книги? Вряд ли я смогу их даже перечислить, и всех интересующихся этим позволю себе направить к вышеупомянутому «Введению в изучение библио-психологии». С ее помощью теория и история литературы не может не превратиться в один из отделов объективного знания, один из отделов индивидуальной и социальной психологии. Профессиональная ориентация, воспользовавшись книгой, текстом и словом, как реактивами, получает возможность определять психические типы и индивидуальные особенности таким способом, какой не требует большой затраты ни сил, ни времени, ни средств: сам исследуемый субъект,

не сознавая даже того, как проявляет он свои индивидуальные особенности, раскроет их очень полно и тонко, лишь проставляя да проставляя разные нумера около каждого слова того текста, какой рекомендован ему в качестве реактива в целях профессиональной ориентации. В этих целях специальный метод допускает не только специализацию в выборе текстов-реактивов, но и бесконечную детализацию, а также и упрощение. Ведь с помощью этого метода можно указывать тексты, являющиеся реактивами не для всех особенностей данного субъекта, а лишь для тех, какие наиболее интересно и важно определить в целях профессиональной ориентации. Библиотечное дело безусловно перестраивается путем введения во всю его организацию психологической ориентировки и вообще исследования психических явлений, связанных с книгой: библиотека превращается в библио-психологическую лабораторию, изучающую общественное мнение и его эволюцию. Перестраивается и драматическое искусство, так как специальный библио-психологический метод позволяет драматическому артисту записывать свой талант для потомства, отмечая особенности своего интуитивного понимания, вчувствования, перевоплощения в те роли, каждое слово которых будет им характеризовано путем указания соответственных категорий психических переживаний, им вкладываемых в эту роль. Разумеется, не представляет особенного

труда в таких целях составить очень подробную классификацию эмоций, как главного фактора психологии драматического артиста. Тот же метод позволяет предвидеть зарождение и развитие *сравнительной гносеологии* и философии, так как разные субъекты отличаются преобладанием различных категорий (Аристотеля, Канта, Ренувье и т. д.) в процессе их мышления. Социолог получает возможность с помощью того же метода, пуская книгу-реактив в толпу читателей и производя соответствующие библио-психологические исследования, определять, какой процент каких психических типов входит в состав этой толпы, какие типы психических наклонностей наиболее распространены в этой толпе и т. д. Перестраивается и практика популяризации, и составление школьных руководств: как известно, в настоящее время психология читателей почти не принимается в расчет составителями популярных книг и учебников. О психологии этих читателей составители судят по своей собственной, не делая при этом никаких поправок на самих себя. Этому должен быть положен конец, и чем скорее, тем лучше. Но еще большее значение имеет библио-психология для пропаганды знаний, идей и настроений,—пропаганды как устной, так и книжной, а также и путем народной газеты или партийной литературы. Если основные принципы будут поняты пропагандистами, они поймут все значение психологического подхода к

объектам своих влияний Поймут они и то, что не чужие слова, а мнема слушателя или читателя представляет собой ту таинственную лабораторию, в руках которой находится судьба слышимых или читаемых слов. Поймут и то, что бывают времена, когда книга, разбрасываемая в одних целях, начинает служить целям прямо противоположным

Вот здесь-то и выступает перед нами все значение того самого вопроса, который ныне называется «вопросом о создавании сознательных кадров» Речь должна идти не только о создаваемых, но и о создавателях. Эти последние должны понять, какое значение имеет для них подготовка именно библио-психологическая, потому что без нее сводится на нет всякая подготовка партийная. И потому сводится, что слово, сказанное или написанное без изучения той почвы, на какую оно падает, как энграмма и экфория, то и дело превращается, как мы уже упоминали выше, в орудие, направленное против его сеятеля А партийная подготовка предполагает неизбежно и естественно вникание в душу мыслящую, чувствующую и страдающую, потому что работа для счастья именно такой души и есть одна из существенных задач настоящего коммунизма.

1924. I
Швейцария.

КООПЕРАТИВНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО

„КОЛОС".

Ленинград. Просп. Володарского, 21, кв 14.

Тел № 5-66-23

Имеются на складе следующие издания:

		ЦЕНА
1.	**П. Л. Лавров** — Герман Александрович Лопатин	— р 20 к
2	**Н. С. Лесков** — Цыганка	— „ 15 „
3	**Иванов-Разумник** — А. И. Герцен	— „ 40 „
4.	**„Вперед!"** — Сборник статей, посвященных П. Л. Лаврову	— „ 40 „
5.	**Г. Г. Шпет** — Философское мировоззрение А. И. Герцена	— „ 40 „
6.	**П. Л. Лавров** — Социальная революция и задачи нравственности	— „ 60 „
7.	**Материалы для биографии П Л. Лаврова**, под редакц. П. Витязева	— „ 30 „
8.	**Н. К. Михайловский** — Что такое прогресс?	— „ 60 „
9.	**П. Н. Столпянский** — Революционный Петербург	1 „ — „
10.	**П. Л. Лавров** — Сборник статей, посвященных его памяти	2 „ — „
11.	**Г. Г. Шпет** — Эстетические фрагменты, вып. II.	1 „ 35 „
12.	**Его же** — Эстетические фрагменты, вып III.	1 „ 20 „
13.	**Его же** — Очерк развития русской философии, I ч.	2 „ 20 „
14.	**П. Л. Лавров** — Этюды о западной литературе	1 „ 50 „
15	**Иванов-Разумник** — Перед грозой	— „ 70 „
16.	**Ч. Ветринский** — Н. Г. Чернышевский	1 „ 20 „

		ЦЕНА.
17.	**Иванов-Разумник** — Вершины (А. Блок и А. Белый)	2 р. — к.
18.	**А. В. Прибылев** — От Петербурга до Кары	1 „ — „
19.	**Т. Л. Сухотина** — Друзья и гости Ясной Поляны	1 „ — „
20.	**Л. Г. Дейч** — За полвека, II ч.	— „ 65 „
21	**Фаццари** — Краткая история математики	2 „ — „
22.	**И. И. Попов** — Минувшее и пережитое, ч. I	1 „ 40 „
23.	**И. Н. Розанов** — Н. А. Некрасов	— „ 90 „
24.	**О. В. Аптекман** — Общество „Земля и Воля“ 70-х гг.	3 „ 50 „
25.	**Н. И. Кареев** — Историки французской революции, I т.	2 „ — „
26.	**А. Г. Горнфельд** — Новые словечки и старые слова	— „ 35 „
27.	**Иванов-Разумник** — История русской общественной мысли VIII в.	— „ 50 „
28.	**А. Г. Горнфельд** — Боевые отклики на мирные темы	2 „ 20 „
29.	**Н. И. Кареев** — Историки французской революции, т. II Французские историки второй половины XIX века и первой половины XX века	2 „ —
30.	**А. В. Мезьер**—Словарный указатель по книговедению	
31.	**О. В. Аптекман**—Воспоминания о Г. В. Плеханове	
32.	**Н. А. Рубакин** — Библиологическая психология	

Серия «Биографическая библиотека».

33.	**И. Н. Игнатов** — И. С. Тургенев	— р. 35 к
34.	**Его-же** — П. С. Мочалов	— „ 20 „
35.	**Н. Е. Эфрос** — А. Н. Островский	— „ 35 „
36.	**В. В. Виноградов** — А. А. Шахматов	— „ 25 „
37.	**А. И. Огнев** — Л. М. Лопатин	— „ 30 „
38.	**Н. Д. Кондратьев** — М. И. Туган-Барановский.	— „ 60 „
39.	**Б. М. Энгельгардт** — А. Н. Веселовский	1 „ — „
40.	**Т. И. Райнов** — А. А. Потебня	— „ 70 „

Печатаются и поступят в продажу следующие книги:

1. **Н. И. Кареев** — Историки французской революции (историография). Т. III. Иностранные историки французской революции. (18 лист.).
2. **Рабочие стачки 70-х гг.** (4 листа).
3. **И. Н. Игнатов** — Театр и зрители. (16 листов).
4. **Н. М. Мендельсон** — Пословицы и поговорки (пособие при изучении русской словесности) (8 лист.).
5. **О. В. Аптекман** — В. В. Берви-Флеровский. (10 лист.).
6. **П. Л. Лавров** — Народники-пропагандисты 70-х гг. 20 лист.).
7. **Историко-литературный семинарий.** Русская словесность. Составили: Н. А. Бродский, Н. А. Гусев и Н. П. Сидоров. (12 лист.).
8. **Л. М. Клейнборт** — Г. В. Плеханов (Монография) (20 лист.).
9. **И. И. Попов** — Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция. (18 лист.).
10. **И. В. Владиславлев**—Путеводитель по русской библиографии, вып. I. Десятилетие войны и революция (1915—1924 гг.).
11. **Н. Н. Орлов**—Библиография библиотековедения за годы революции.
12. **Неизданные письма Энгельса.**
13. **Письма Леонида Андреева к Г. И. Чулкову.**
14. **Сахновский** — Театры в усадьбах и городских домах российского благородного дворянства.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ